

КОНСЕРВАТИВНО-УТОПИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РУСИФИКАТОРСКОЙ ПОЛИТИКИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Рассматривая взгляды российских консерваторов на национальный вопрос в конце XIX – начале XX в., автор исходит из наличия в консервативной среде различных течений, в том числе оппозиционных русификаторской политике царского правительства. Показаны альтернативные проекты и варианты развития многонациональной Российской империи в интерпретации консервативных мыслителей.

Русификаторская политика царского правительства второй половины XIX в. должна была стать звеном в процессе интеграции различных этнических элементов многонациональной империи, но на практике она привела к ослаблению имперской составляющей русской государственности. Реакцией на данный процесс стало появление оппозиционной тенденции в русской консервативной мысли, негативно оценивающей правительственный курс на русификацию окраин. В изучении национальных идей консерваторов второй половины XIX – начала XX в. можно выделить три периода.

Первый период – дореволюционный – носит на себе явный отпечаток публицистических баталий. Оценки взглядов консерваторов, особенно данные идейными оппонентами, достаточно тенденциозны. Рассматривая историю славянофильства, П.Н. Милюков видел в нем реакционную утопию русского мессианства. Он предложил классификацию позднеславянофильской традиции, разделив ее на правых – Данилевского и В.П. Леонтьева, исходивших из национальной исключительности России, и левых, к которым отнес Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева, апологетировавших идею ранних славянофилов о всемирно-исторической роли России [22. С. 27]. М.О. Гершензон, отмечая торжество реакционной утопии в начале XX в., подчеркивал безусловную ее преемственность со славянофильскими идеями о национальной исключительности русских [7. С. 37]. В литературе второго послереволюционного, или советского, периода особое место занимают труды эмигрантов, в значительной мере продолживших традицию изучения проблем консерватизма. С.С. Ольденбург вслед за М.О. Гершензоном находил идейные корни российского консерватизма конца XIX – начала XX в. в славянофильстве, считая, например, Л.А. Тихомирова их безусловным наследником [23. С. 137].

В 20–30-е гг. XX в. в советской исторической науке взгляд на интерпретацию национального вопроса в воззрениях консерваторов очевидно утрировался. Их идеи были интересны исследователям в основном как предшественников черносотенного движения, различия с которыми пропадали [5. С. 15–20; 13. С. 70–72; 14. С. 662]. В 1960–1980-е гг. работы приобретают более объективный характер, хотя и остаются на позициях классово-идеологического подхода в оценке консерватизма конца XIX – начала XX в. как идейного антагониста революционной идеологии и движению. Делается попытка отделить «реакционные» утопии, стоявшие на откровенно шовинистических позициях, от консервативных, не чуждых поискам компромисса в национальном вопросе [12. С. 170–194]. Третий период изучения утопического консерватизма начинается в

1990-е гг. Аналитически глубокая разработка проблем сопровождалась выходом большого количества работ по истории русского консерватизма [1. С. 230–234; 4. С. 47–49; 11. С. 38–41].

Не остались без внимания взгляды консерваторов по национальному вопросу. Интересны исследования, прослеживающие эволюцию славянофильской мысли во второй половине XIX в. и их трансформацию в новых общественно-исторических условиях [2, 3, 9, 15]. Здесь определились достаточно контрастные позиции. Сохранилась точка зрения о том, что абсолютизация русской национальной идеи, свойственная «классическому славянофильству», в условиях кризиса русского государства и общества в начале XX в. стала предпосылкой развития черносотенной идеологии [6. С. 37–39]. Ей оппонирует М.И. Панова: «Практически все видные публицисты славянофильского направления – А.А. Киреев, Ф.Д. Самарин, С.Ф. Шарапов – отвергли претензии крайне правых на идейную преемственность от славянофилов и постоянно вели с ними полемику в прессе» [24. С. 144]. С ней солидаризируется М.Д. Суслев, не отрицающий схожести некоторых воззрений всех консерваторов в национальном вопросе, но исходящий из собственного видения перспектив решения национальных проблем России консерваторами-утопистами [26. С. 11–12].

Представляется, что славянофильские идеи пытались наследовать и адаптировать представители всех течений российского консерватизма начала XX в. Следует исходить из неоднородности консервативного течения и наличия в нем традиционно оппозиционных правительственному курсу элементов. И консервативные утописты, и правые радикалы критиковали национальную политику царского правительства справа. Но правый, черносотенный, радикализм был радикален в средствах, используя их для защиты существующего строя. Консервативная утопия предполагала альтернативный вариант развития, отличающийся от представлений правящей элиты.

Л.А. Тихомиров отношение к другим народам рассматривал как одно из важнейших проявлений национальной идеи. При этом одинаково губительными для России он считал как насильственную русификацию, так и идеи равенства наций. Справедливая политика в вопросах наделения различных наций правами и обязанностями, согласно Л.А. Тихомирову, требовала не уравниловки, а ответственности: «Можно давать права поляку или еврею, если они того стоят, – писал он, но дать в России равные права русской национальности и польской или еврейской национальности, в смысле коллективного целого, было бы актом величайшей несправедливости»

[27. С. 408]. Начало этого единения лежало в общении, на котором должны были вырастать единомыслие и общность интересов. Важнейшим средством общения Л.А. Тихомиров определял язык. Отсюда приоритетной задачей государственной политики многонационального («разноплеменного») государства он полагал необходимость установления одного государственного языка (языка «основного племени»). На национальных окраинах («в местах сплошь инородческих») допускалось существование местных языков, но лишь до тех пор, пока все население не успело изучить государственный язык [28. С. 648–649]. Важным элементом государственного единения, по мнению Л.А. Тихомирова, являлась наука: «Создание национальной науки должно входить в основную задачу политики» [28. С. 656]. Наряду с духовными факторами существенную роль Л.А. Тихомиров отводил созданию национальной экономики. «Совместный материальный труд народностей, входящих в государство», должен был цементировать его.

Таким образом, задачами национальной политики в Российском государстве Л.А. Тихомиров считал, прежде всего, сохранение и поддержание силы нации, основавшей это государство, а также «достижение слияний всех народностей государства в единую великую нацию путем создания единой души (язык, вера и наука) и единого тела (экономическое слияние всех народностей)» [28. С. 661].

В то же время Л.А. Тихомиров выступал категорически против ставшего популярным среди националистов лозунга: «Россия для русских». Этот лозунг – удел малых и вымирающих наций, поэтому чужд российскому менталитету. «Россия конечно же «для русских», – писал он, – в том смысле, что в ней хозяином и господином должен быть русский; Россия, конечно же, «для русских» в том смысле, чтобы русская земля не отдавалась зря тучам пришлых немцев, закабаляющих наше наследие. В смысле же исторического девиза он все таки не может быть принят» [30. С. 545]. Русские должны, по его мнению, указать другим народам на сияющую Россию, новые формы быта, новые перспективы развития, лучшее устройство. И в этом смысле Россия не может быть только для русских [30. С. 545–546].

Проблему русификации Л.А. Тихомиров рассматривал в двух аспектах: как русификацию государственную и национальную. Русификация государственная виделась ему «всегда обязательной». «Государственное обрусение – право требовать верной службы и того, что для этой службы необходимо, как, например, знания официального государственного языка или каких-либо бытовых особенностей» [30. С. 547–548]. Национальную русификацию он видел в присоединении к вере, образу мыслей и быту другого народа. Такую русификацию он считал возможной в случае, если нация не обладает национальным самосознанием. Если национальное самосознание «в племени» уже есть, она должна быть добровольной, чтобы не быть насильственной [30. С. 548]. В целом, по мнению Л.А. Тихомирова, вопрос о русификации, особенно национальной, вторичен по отношению к проблеме поддержания национального русского характера государственной власти [30. С. 549]. Следовательно, Л.А. Тихомиров считал позитивным и желательным процесс добровольной и естественной ассимиляции

народов Российской империи. В то же время только обрусение давало возможность получить полноценный статус: занятие государственных должностей, снятие ограничений в передвижении и расселении (для евреев).

Поборником добровольной ассимиляции на православной основе выступал В.П. Мещерский. Он считал совершенно недопустимыми какие-либо насильственные меры, связанные с обращением в православие инородческого населения. Исходя из принципа «национального эгоизма», В.П. Мещерский указывал, что ущемление прав национальных меньшинств вызовет рост политической оппозиции. В цикле статей «Из религиозной жизни Прибалтийского края» он осуждал излишне резкую и не всегда разумную политику местных властей по отношению к латышским и эстонским крестьянам, принявшим православие или изъявившим желание сделать этот шаг. Подобное движение в крестьянской среде вызвало противодействие лютеранского духовенства и лютеранской консистории, которые вели целенаправленную антиправославную пропаганду. Ее элементом стало утверждение, что стремление прибалтийских крестьян принять православие объяснялось корыстными побуждениями, так как они надеялись получить привилегии при наделении землей и освободиться от повинностей в пользу помещиков и пасторов.

В.П. Мещерский же отмечал, что «стремление инородцев Прибалтийского края к православию и вместе с этим желание их прочно привиться к могучему древу русскому» является свойством «духовной стороны прибалтийского населения, издавна ему присущим [8]. Автор напоминал, что это движение, начавшееся давно, обрело особую интенсивность в 1841, 1845–1846 гг. Не забывает В.П. Мещерский упомянуть и о том, что в 1863 г. «несколько сот крестьян местечка Лель обратились к рижскому преосвященному Донату и своему местному губернатору с формальным прошением о принятии их в православие». Именно тогда завязывается целый узел проблем, которые правительство решает недостаточно эффективно.

В.П. Мещерский обвинил департамент духовных дел иностранного исповедания в том, что он идет на поводу у местной администрации Остзейского края, почти повсеместно состоящей из дворян лютеранского исповедания. Эти заинтересованные лица «всемерно старались представить дело присоединения латышей и эстов к православию, возникшее не только главным образом или преимущественно, но единственно и исключительно из корыстных побуждений, из расчетов на земельные выгоды и без всякой мысли об истинности или превосходстве православия перед лютеранством» [8].

По мнению В.П. Мещерского, вина местных властей заключалась не только в том, что они представляли искаженные отчеты с целью убедить официальный Петербург в отсутствии искренности и религиозного рвения, но и в том, что они намеренно дискредитировали местное православное духовенство, которое «якобы возбудило и раскрепостило все движение в крае своими тайными и явными обольщениями и обещаниями в награду за принятие православия различных житейских выгод» [8].

В результате правительство, не представляя истинной картины происходящего, издало ошибочный указ о

шестимесячном сроке рассмотрения каждого отдельно-го заявления, что существенно замедлило и усложнило процесс принятия православия. В.П. Мещерский считал необходимым «твердое проявление монаршей воли для восстановления законности» [8]. По существу, предложение В.П. Мещерского заключало в себе предмет глубочайшего противоречия между имперской общегосударственной политикой и политикой сословно дворянской, так как предлагалось поступиться интересами местной дворянско-протестантской элиты в пользу интересов господствующей религии. Имперские принципы В.П. Мещерский ставил выше этнократических. «Для императора всероссийского несть ни эллина ни иудея». По его мнению, за антигосударственные поползновения должны были караться выходцы из всех без различия национальностей и конфессий – более того, именно русские «наиболее виноваты перед отечеством за измену своим историческим преданиям и неспособность навести порядок в своей стране» [8].

Русификаторская политика в данном консервативно-утопическом варианте носила ярко выраженный имперский характер. Ее целью было не возвеличивание русской нации как таковой, а утверждение ее в качестве этнического ядра многонациональной империи. Поэтому консерваторы не требовали исключительных прав для русских, расизм, очевидно, чужд им, и цели их иные. Российская империя, безусловно, должна была оставаться унитарным государством, русский язык – государственным, а православная религия – господствующей. Но желательная тенденция – постепенная и добровольная ассимиляция других народов на основе приобщения к русской культуре, языку, православию. Именно добровольная (это обязательное условие) и в силу этого, конечно, медленная, постепенная. Ненасильственные, административные меры заставят иные народы воспринимать русскую культуру, язык, а величие и блеск русской нации, достижения ее культуры и искусства.

По существу, консерваторы не возражали против поликультурности многонациональной империи. Но и это в их понимании было несущественно – полноправным «верноподданным» российского императора можно было бы стать только на русской идейно-религиозно-культурной основе. То есть поляк, еврей, доказав на деле верность имперским идеалам, восприняв государственный русский язык и – обязательно – перейдя в православную веру, могли бы получить равные с русскими политические права. Но поляки как народ или евреи как народ претендовать на эти права не могли. В то же время они могли и должны были вносить свой вклад в рост экономического могущества и величия Российской империи.

Рассмотренные идеи можно считать умеренно-имперскими. Очевидно контрастируют с ними более жесткие этнократические идеи М.О. Меньшикова и А.Г. Щербатова. М.О. Меньшиков критически относился к национальной политике царского правительства. По его мнению, Россия была уже слишком слаба, чтобы проводить обрусение и насаждение православия среди иноземцев. Гораздо важнее было не допустить ассимиляции самих русских, растворения их в инородческой массе. М.О. Меньшиков использовал откровен-

но расистскую аргументацию против русификации окраин. Он озабочен тем, что инородческие примеси портят качество русской «расы» [20. С. 4].

Рассуждая об арийском типе русских, М.О. Меньшиков считал, что им природой заложена воля покорять и господствовать, и если история показывает некоторую пассивность и «женственность» русских, то это результат «порчи славянской крови всякими «низкими» народностями». Национализм и расизм, по Меньшикову, являлись здоровым национальным чувством. Данные черты в полной мере проявлялись в национальной политике Московской Руси, к историческому опыту которой апеллирует М.О. Меньшиков как к образцу прагматичной политики эксплуатации национальных окраин для целей имперской нации.

Однако далее Россия пошла по неверному пути, взвалив на себя заботу о некоренных народах, которые, «достаточно насосавшись, вроде Финляндии», норовят «отвалиться» [17. С. 4]. В результате в конце XIX в. перед Россией стоит дилемма: либо полная ассимиляция национальных окраин (но на это у России уже нет сил), либо «освобождение России от иноземцев». Конечно, по мнению М.О. Меньшикова, лучше было бы обрести единство нации посредством имперской ассимиляции, как это случилось с Германией, но исторические обстоятельства более реальными делают другие варианты. Поэтому в вопросах «инородческой политики» М.О. Меньшиков неоднозначен. С одной стороны, он предлагал ужесточить политику русификации: лишить нерусские народы участия в представительных органах власти, обеспечить господство русского языка во всех учреждениях и школах империи [18. С. 4]. С другой стороны, М.О. Меньшиков регулярно демонстрировал скептическое отношение к эффективности политики «обрусения» и «оправославливания». В результате у публициста появились идеи размежевания с национальными окраинами: «Я уже много раз писал, что считаю вполне справедливым, чтобы каждый вполне определившийся народ, как, например, финны, поляки, армяне и т.д., имели на своих исторических территориях все права, какие сами пожелают, вплоть хотя бы до полного их отделения» [10. С. 175]. Следовательно, М.О. Меньшиков допускал даже путь частичного распада империи и создания буферных государств, считая, что выигрыш в результате избавления от антирусских элементов перевесит территориальные потери [21. С. 4].

Еще одним вариантом жесткой этнократической утопии следует считать взгляды А.Г. Щербатова, также сторонника формирования России как национального государства. Он настаивал на обеспечении русскому народу господствующих прав в империи: на государственные должности следовало назначать только русских, необходимо было исключать из университетов студентов и преподавателей, являвшихся «иноплеменниками» и «иноверцами», русские предприниматели должны были получить льготные условия производства, торговли и кредита. Земский Собор – высший представительный орган будущей России – также должен был состоять только из русских. Любопытно видение А.Г. Щербатовым своеобразной автономизации России. В политическом аспекте изменений практически не предполагалось, поскольку автономизация не долж-

на ущемлять «державные права» русского народа, а именно первенство православной церкви, самодержавие русского царя, единство государственного строя, общегосударственное значение русского языка и сохранение армии и флота в ведении общеимперской администрации. Предоставление автономии должно было стать не реализацией права народов, т.е. уступкой царя, а реализацией его милости, благосклонного отношения к конкретным народам за их заслуги перед престолом. Автономия не должна была носить безвозвратного характера и могла быть ликвидирована в случае нелояльности нации к трону [34. С. 10–12; 35. С. 111–113].

Данный вариант утопии обращался к традиционным консервативным ценностям национального государства. По существу, предлагалась трансформация многонациональной империи в моноэтническую, которая развивается не вширь, а вглубь, сосредотачивая силы и ресурсы в великорусских регионах, окружая себя зависимыми государствами, сферами влияния. Это была своеобразная адаптация идей европейского империализма, попытка использования опыта европейских колониальных империй с четким политико-географическим разграничением колоний и метрополий.

Диапазон мнений консервативных утопистов по национальному вопросу был достаточно широк, и отношение к русификаторской политике царского правительства колебалось от требований ее ужесточения до открытого неприятия. Известный славянофильский публицист С.Ф. Шарапов считал, что русификаторская политика противоречит исторической миссии России – «собрание в один культурный государственный организм» славянских народов, создание славянской цивилизации [25. С. 4]. Политика русификации Польши, приобретшая особо грубые формы в конце XIX в., мешала наметившемуся сближению двух славянских народов. С.Ф. Шарапов считал это исторической ошибкой, которая будет иметь негативные последствия для перспектив славянского объединения. Но позиция публициста в «польском» вопросе весьма неоднозначна. Будучи сторонником славянофильских идей, он вовсе не ослеплен иллюзиями братства и духовного единства славян.

Само пребывание Польши в составе Российской империи в существующих формах воспринималось С.Ф. Шараповым как крайне вредное для последней. Польская промышленность успешно конкурировала с русской. Но главный негатив несла Польша в духовной сфере. Католицизм, весьма агрессивный и успешный в Западном крае, теснил православие и мешал его развитию, поляки были заражены идеями либерализма и конституционализма. При этом образованная польская интеллигенция и чиновничество, в абсолютном большинстве русофобски настроенные, буквально «заполонили Русь» [32. С. 1552–1553]. В то же время русско-польские противоречия носили не межэтнический характер, более того, врагом поляков являлся не российский император, а петербургская бюрократия, ненавистная и другим народам России [25. 1906. № 43. С. 5]. Русификация не решала проблему Польши, а только загоняла болезнь внутрь. Выход С.Ф. Шарапов видел в признании права

Польши на самую широкую автономию, но без отделения от Российской империи [22. С. 1553].

С.Ф. Шарапов оправдывал и финский сепаратизм, который, по его мнению, был порожден самой русификаторской политикой и являлся естественным стремлением финнов обрести некоторые внешние атрибуты государственности. Автономия Финляндии объективно совпадала с государственными интересами России: изоляция от русофобства обрусевших чиновников финнов и шведов, устранение конкуренции со стороны финской экономики (здесь С.Ф. Шарапов не оригинален, по существу повторяя аргументацию в пользу автономии Польши). Усиление насильственной русификации С.Ф. Шарапов считал крайне вредным для своего проекта создания всеславянского политического и культурного союза. Та же Финляндия была для славян примером того, как Россия мягко обходилась со своей завоеванной провинцией и давала славянам надежду, что для единоверных и единокровных народов, добровольно к ней присоединившихся, Россия будет как мать родная. Но вследствие политики русификации все переменялось, и теперь снова надо восстанавливать утраченное доверие. Текущими задачами российской политики в отношении Финляндии С.Ф. Шарапов считал прекращение русификаторства – кодификацию конституционного законодательства и т.п. [21. С. 4].

В то же время не следует преувеличивать толерантность представителей консервативного течения. Даже самые «мягкие» варианты национальной политики несут очевидный отпечаток ксенофобии. Именно фактор угрозы суверенитету России, исходящей извне или изнутри, требует сплочения империи, концентрации ее великорусского ядра. На образ врага внутреннего лучше всего подходили евреи. Излюбленным мотивом неприязни консерваторов к евреям был страх за национальную независимость России, попавшей в кабалу еврейскому международному капиталу, контролирующему частные банки, а следовательно, и кредит, и русских промышленников, и русскую экономику в целом. М.Н. Катков еще в 1884 г. писал: «Не возмутительно ли, не противно ли, что в христианском государстве язычники могут угнетать христиан» [16. С. 31].

Л.А. Тихомиров считал, что если уравнивать русских и евреев в правах, то последние присвоят все завоевания русских. Поэтому государственная политика не должна допускать одинаковых прав для свободного развития других народностей как национальностей. Государство, по его мнению, должно вмешиваться в деятельность представителей других народностей, если она как-то ущемляет интересы русских. Государство должно препятствовать установлению контроля евреев над экономикой и торговлей [27. С. 408].

В воззрениях консерваторов, бывших в основном дворянского происхождения, перемешалась сложная гамма чувств к евреям: и аристократическое презрение к нуворишам – выскочкам, и неприятие иной социальной силы, возможно идущей на смену им. В консервативной среде еврейство чаще всего связывалось с теми отраслями экономики, которые были менее социально значимы, т.е. торговлей, ростовщичеством. Евреи, занимавшиеся этими промыслами, выступали тунеядцами, гоняющимися за легкими источниками доходов и получающими несправедливые доходы.

Н.Н. Шипов доказывал эксплуататорскую сущность евреев: «Чтобы побольше иметь дохода на свой капитал, надо быть беспощадным к своим должникам. А это лучше всего достигается, если кредитор считает себя совершенно иным существом, ничего общего не имеющим с должником...» [33. С. 43–44]. Именно этническая религиозная обособленность евреев от русских делает их идеальными эксплуататорами.

Традиционное сознание, во многом определявшее идеологию российских консерваторов на рубеже XIX–XX вв., видит в евреях сосредоточие чужеродности всему русскому. Евреи стали олицетворением всех минусов капиталистического образа жизни, разрушителями основ русской самобытности. «Евреи забивают нас во всем, – писал Л.А. Тихомиров, – они захватывают все отрасли выгодного труда – интеллигентские профессии, печать, через которую становятся господами общественного мнения» [29. С. 15].

Очень немногие консерваторы способны были отойти в еврейском вопросе от неопределенно-бытовой ксенофобии подобно В.П. Мещерскому. Для него гораздо важнее была утрата национально-государственных ориентиров. Трагедию России он видел в том, что со смертью русской государственности и всего того, «что в ней было поистине прекрасного, народного, скрепляющего, здорового и охранительного», на его место водворился «тот мнимый прогресс, которого отличительное свойство была снисходительность к нравственным, духовным, семейным и государственным обязанностям и стремление исключительно к новым явлениям своеволия мысли» [8. 1886. 16 июня. № 45]. Нет еврейской проблемы, заявлял В.П. Мещерский, но есть проблема бездарного, беспочвенного лжелиберализма, которым больно русское общество. «Вы отреклись от своего бога – сейчас же являются еврей и либерал и занимают ваше место; вы отреклись от самодержавия – то же самое; вы отреклись от вековых ваших преданий – то же самое, и так далее. Это процесс жизни неизбежный и почти автоматический, до того он неизбежен» [8. 1886. 16 июня. № 45].

В.П. Мещерский отвергал грубый антисемитизм как и все виды преследований инородческого населения, поскольку усиление их влияния на общественную и государственную жизнь, с неминуемым культивированием своих жизненных принципов и традиций, было неизбежным следствием ослабления истинно русского национального начала. С укреплением же последнего на принципах православия и самодержавия должны были исчезнуть и все опасности, связанные с влиянием в общественной жизни России чужеродных верований и культур [8. 1886. 16 июня. № 45].

Отличны взгляды В.П. Мещерского и на роль евреев в экономической сфере. Он не одобрил идеи ограничения расселения евреев в крупных городах, считая, что еврейское население и еврейский капитал могли принести большую пользу [8. 1884. 23 дек. № 52].

В целом антисемитизм можно рассматривать как некое универсальное идеологическое средство сведения социальных проблем к национальным, свойственное всем вариантам российского консерватизма. Уни-

версальным выглядит и средство борьбы с еврейской угрозой: «максимальная изоляция евреев от русских». Варьируется лишь жесткость тона и решительность в определении конечных целей.

М.О. Меньшиков считал, что еврейский вопрос может быть решен всенародным плебисцитом. До его проведения желательно запретить евреям пользоваться христианскими именами, лишить избирательных прав. Лучший для России вариант решения еврейского вопроса – отгородиться от них, в идеале выселить их на историческую родину. В этом плане М.О. Меньшиков готов был даже приветствовать сионистское движение [19. С. 320]. Достаточно очевидной представляется оппозиция консерваторов официальному курсу на христианизацию евреев, поскольку радикальные правые полагали, что «крещение не делало евреев менее вредоносными и не должно влечь за собой прекращение наложенных на евреев ограничений» [19. С. 131].

В безусловном меньшинстве остается С.Ф. Шарапов, который постоянно колеблется от расистского антисемитизма к славянофильскому религиозно-культурному антисемитизму. Поддерживая М.О. Меньшикова в вопросе об ограничении прав евреев, С.Ф. Шарапов все же полагал, что евреи при условии отказа от религии, образа жизни, принятия православия могли стать полноправными членами многонациональной братской семьи народов Российской империи [31. С. 28].

Таким образом, часть консервативных общественных деятелей конца XIX – начала XX в. весьма критично воспринимала русификаторскую политику царского правительства и пыталась предложить свой вариант национальной политики и свое видение перспектив и вариантов развития многонациональной Российской империи. Консервативная утопия данного периода, очевидно, испытывала на себе воздействие славянофильской доктрины. Но идея славянской конфедерации перестала быть самостоятельной и приобрела подчиненный геополитическим целям Российской империи характер. Большинство консерваторов-утопистов предлагали в качестве средства решения национальных проблем России своеобразный «апартеид» – создание из окраинных земель империи, получивших известную автономию, «буферных зон» и даже стран-сателлитов. Кроме избавления от негативного влияния других народов и оздоровления «великорусского ядра», это должно было обезопасить Россию от внешней агрессии.

В данной связи причудливо трансформируется один из самых «больных» вопросов российской национальной политики – польский. Польша должна была стать главной опорой России в противостоянии с Германией. Поэтому в статьях С.Ф. Шарапова, М.О. Меньшикова и др. содержатся постоянные призывы к отказу от грубой русификации и максимальной чуткости к потенциальному союзнику грядущих великих битв. Другой проблемный вопрос межнациональных отношений – еврейский, очевидно, не имел утилитарной подоплеку, что позволяло консерваторам не сдерживать свои национальные и религиозные фобии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Балуев Б.П.* Политическая реакция 80-х гг. XIX века и русская журналистика. М.: Изд-во МГУ, 1997.
2. *Бандорина Е.В.* Консерватизм и неоконсерватизм. М.: Изд-во МГТУ, 1993. 328 с.
3. *Боровиков А.П.* Классический консерватизм. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1997. 217 с.
4. *Ведерников В.В.* «Московский сборник» К.Н. Победоносцева и кризис идеологии пореформенного самодержавия // Вестник ВолГУ. Сер. 4. История, философия. 1997. Вып. 2.
5. *Викторов В.П.* Вступительная статья // Союз русского народа по материалам чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. М.; Л., 1929.
6. *Воронихин И.Е.* У истоков национальной доктрины // Славянофильство: прошлое и настоящее. М.: Феникс, 1994.
7. *Гершензон М.О.* Исторические записки о русском обществе. СПб., 1911.
8. *Гражданин.* СПб. 1885. 24 окт. № 74.
9. *Гусев В.А.* Русский консерватизм: основные направления и этапы развития. Тверь: Изд-во Тверск. гос. ун-та, 2001. 240 с.
10. *Дело нации* из писем ближним. М.: Воениздат, 1991.
11. *Дьяков В.А.* Славянская идея в России периода империализма // Вопросы истории. 1987. № 3.
12. *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М.: Мысль, 1970.
13. *Залежский В.Н.* Монархисты. Харьков: Пролетарий, 1929.
14. *Заславский Д.О.* Рыцарь монархии Шульгин. М.: Прибой, 1927.
15. *Исаев И.А.* Политико-правовая утопия в конце XIX – начале XX века. М.: Наука, 1991. 266 с.
16. *Катков М.Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей за 1884 г.». М., 1998.
17. *Меньшиков М.О.* Кого выбирать в парламент // Новое время. 1912. 2 авг.
18. *Меньшиков М.О.* Отбор худших // Новое время. 1907. 20 янв.
19. *Меньшиков М.О.* Письма к ближним. СПб., 1911. Изд. [и соч.] М.О. Меньшикова.
20. *Меньшиков М.О.* Россия прежде всего // Новое время. 1907. 1 нояб.
21. *Меньшиков М.О.* Тирания слабых // Новое время. 1908. 9 дек.
22. *Милоков П.Н.* Разложение славянофильства. Данилевский. Леонтьев. Соловьев. М.: И.Н. Кушнерев и К^о. Б. г.
23. *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. Екатеринбург, 2001. Т. 2.
24. *Панова М.И.* Идеи славянофильства в русской общественно-политической мысли в 1850–1917 гг. М., 1998.
25. *Русское дело.* 1905. № 36.
26. *Сулов М.Д.* Российская консервативная утопия на рубеже XIX–XX вв. Пермь, 2003.
27. *Тихомиров Л.А.* К вопросу о терпимости // Тихомиров Л.А. Критика демократии. М.: Москва, 1997.
28. *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. СПб., 1992.
29. *Тихомиров Л.А.* Русский или еврейский вопрос // Московские ведомости. 1911. № 144.
30. *Тихомиров Л.А.* Русское дело и обрусение // Тихомиров Л.А. Критика демократии. М.: Москва, 1997.
31. *Шарапов С.Ф.* По-русски. М.: Типо-литография А.В. Васильева, 1900.
32. *Шарапов С.Ф.* Православный полонизм // Благовест. 1892. № 42.
33. *Шипов Н.Н.* Власть Самодержавного царя как основа финансового благополучия России. Пг.: Типо-литография «Прокопий Ревин», 1913.
34. *Щербатов А.Г.* К московскому дворянству (о необходимых мерах защиты интересов русской народности). М.: Тип. «Печатное дело», 1910.
35. *Щербатов А.Г.* Обновленная Россия. М., 1910.

Статья представлена кафедрой истории и документоведения исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Исторические науки» 14 августа 2006 г., принята к печати 21 августа 2006 г.